

БОРИС КРИГЕР

ВЗАИМНОЕ
ОБОГАЩЕНИЕ
ЯЗЫКОВ

БОРИС КРИГЕР

ВЗАИМНОЕ
ОБОГАЩЕНИЕ
ЯЗЫКОВ

ALTASPERA

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published by Altaspera Publishing

Взаимное обогащение языков

Книга предлагает новую теорию развития родственных языков, основанную на идее, что многовековое расхождение славянских и других близких языков подходит к своему естественному завершению. На смену дивергенции приходит эпоха взаимного обогащения, в которой языки не смешиваются и не теряют индивидуальность, а раскрывают скрытые слои смысла друг в друге.

Центральное место занимает феномен раздражённого корня — мгновенного пробуждения внутренней формы слова при соприкосновении с родственной, но другому эволюционировавшей формой. Это проявление глубинной нейролингвистической структуры, которая активирует древние слои языковой памяти и создаёт эффект смысловой стереоскопии. Смысл в этом состоянии перестаёт быть линейным и предстает как объёмная структура, подобная квантовой суперпозиции.

Описывается культурный механизм направленного синтеза — способ мягкого, ненасильственного введения родственных слов, который не разрушает язык, а раскрывает его внутренние ресурсы. Поясняется, почему далёкие заимствования не способны вызвать аналогичный эффект и часто приводят к утрате корневых слоев, тогда как родственные формы возвращают языку его собственный эволюционный потенциал.

Книга показывает, что современная эпоха создаёт условия, в которых языки перестают расходиться и начинают усиливать друг друга. Отличия становятся источником глубины, а границы — зонами смыслового резонанса. В результате возникает новое культурное состояние, где язык становится многоголосием одного корня, возвращающим человеку утраченные слои его собственной семантической памяти.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
Глава первая. Дивергенция: тысячелетнее расхождение родственных языков.....	9
Глава вторая. Феномен раздражённого корня: механизм распознавания родства	12
Глава третья. Квази-квантовая неопределённость языка: смысл как суперпозиция	15
Глава четвёртая. Стереоскопия смысла: объёмность сознания в близкородственном билингвизме	18
Глава пятая. Направленный синтез	21
Глава шестая. Дальние заимствования и их предел.....	24
Глава седьмая. Нейролингвистическая естественность: сопротивление слиянию и принятие резонанса	29
Глава восьмая. Политическая анатомия языка: конфликт как следствие иллюзии разделённости.....	32
Глава девятая. Новая эпоха: завершение ветвления и начало взаимного обогащения	35
Заключение	38
БИБЛИОГРАФИЯ.....	45

ВСТУПЛЕНИЕ

В начале девяностых годов, стоя в храме при Русском подворье в Иерусалиме, я впервые вслушался в церковнославянский язык не как в звучащий текст, а как в дыхание времени. До этого момента он казался мне чем-то музейным, почтенным, но отдалённым. Однако однажды произнесённые певчими слоги начали создавать странное ощущение: будто слова поднимаются откуда-то из глубины, из слоя памяти, который невозможно назвать личным. Каждый звук казался живым эхом из тех времён, когда язык ещё не распался на ветви и не разошёлся по народам.

Это было не интеллектуальное озарение, а почти физиологическое переживание. Как будто в мозге открылась дверца, за которой тихо дремала забытая структура. Звучания наполняли пространство таким образом, что корни слов становились ощутимыми, осязаемыми, почти материальными. Буквально возникало чувство, будто слова несут в себе смысловые ходы, давно закрытые в современном языке.

И в этот момент стало ясно: родственные языки не просто похожи. Они представляют собой параллельные эволюции одних и тех же корней, разошедшиеся на тысячелетия. И когда человек сталкивается со словом, которое создано из знакомого корня, но развилось иначе, возникает вспышка узнавания, которую невозможно спутать ни с чем. Мозг реагирует мгновенно: он восстанавливает

древнюю связку, пробуждает внутреннюю форму и словно воскрешает путь, который слово могло бы пройти, если бы история языка повернула в другом направлении.

С тех пор я стал замечать этот эффект повсюду — в русских, белорусских, польских, сербских, украинских словах, в древних еврейских корнях, которые жили в языке иначе, чем в библейском тексте. Я видел, как ивритское слово «машбир» превращается из простого названия магазина в символический мост к Иосифу, раздававшему хлеб соплеменникам. Как украинское слово «пользоваться» — «выкористовувать» и русское слово «корысть» оживляют древний смысл корня, разорванного историей.

Со временем стало очевидно, что этот феномен не личный и не случайный. Он, пожалуй, — универсален.

Человек, знакомый с двумя близкими языками, получает доступ к смысловому пространству, недоступному мооязычному сознанию. Корень начинает звучать в объёме, создавая многослойность, которая напоминает квантовую суперпозицию: несколько траекторий смысла существуют одновременно, пока внимание не выделит одну из них.

С этого началось формирование представления, которое постепенно выросло в полноценную теорию. Теорию о том, что эпоха расхождения языков подходит к концу — и начинается эпоха взаимного

обогащения. Что корень способен пробуждаться через соприкосновение родственных форм. Что язык можно не только охранять или реформировать, но и пробуждать — мягко, точно, направленно, не нарушая естественного ритма речи.

И что политические конфликты, веками возникавшие вокруг языка, основаны на фундаментальном недоразумении: люди видят в другом языке угрозу, но в действительности другой язык является зеркалом, в котором собственный корень отражается иначе, глубже, объёмнее.

Эта книга — попытка описать явление, которое я много лет наблюдал во всех сферах: в поэзии, в богослужении, в разговорной речи, в политике, в психологических реакциях, в национальных конфликтах и в тех тонких, почти неуловимых процессах, которые происходят в мозге, когда он сталкивается с родственным словом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДИВЕРГЕНЦИЯ: ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ РАСХОЖДЕНИЕ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Языки, принадлежащие к одному древнему стволу, развиваются по законам естественного расхождения. География, климат, политика, социальные структуры, культурные влияния и исторический опыт изменяют траекторию каждого из них. Некогда единое пространство речи дробится, расходится на ветви, которые постепенно утрачивают взаимную прозрачность. Этот процесс дивергенции продолжается столетиями и создаёт богатство различий, которое воспринимается как природное разделение языков.

Первый принцип дивергенции заключается в том, что каждый язык удерживает лишь часть первоначальных значений корней. Другие значения теряются, смещаются или приобретают новые оттенки. Одни ветви сохраняют архаические формы, другие развивают корень в сторону абстракции, третьи переносят его в бытовую сферу, четвёртые наделяют моральной окраской. Эти процессы случаются независимо друг от друга и приводят к тому, что один и тот же корень существует в нескольких параллельных временных пластах.

Второй принцип дивергенции — культурная автономия. Каждое сообщество формирует собственные ассоциации, собственный «семантический климат», который влияет на судьбу слов. В одном языковом ареале корень становится

элементом сакральной речи, в другом — частью разговорной динамики, в третьем — маркером социальной иерархии. Значение перестаёт быть универсальным и становится культурно обусловленным.

Третий принцип связан с социально-психологическими механизмами восприятия. С течением времени слово в родном языке утрачивает ощущение внутренней формы. Оно перестаёт вызывать ассоциации с корнем и начинает восприниматься как неделимая единица. Так возникает «семантическая слепота» — неспособность услышать глубинные связи внутри собственного языка.

Четвёртый принцип дивергенции — несимметричность развития. Родственные языки не движутся параллельно. Они расходятся по линиям, которые трудно предсказать. Там, где один язык сохраняет древнее значение, другой создаёт новое. Там, где один расширяет область употребления, другой её сужает. В результате возникает различие, которое не устраняется даже при длительном контакте.

Пятый принцип касается накопления смыслового капитала. Каждое отклонение в развитии корня создаёт потенциал, который раскрывается только при сопоставлении языков. То, что кажется утратой или искажением, в действительности представляет собой альтернативный путь смысловой эволюции.

Шестой принцип дивергенции — неизбежность. Расхождение языков не является ошибкой или недостатком. Оно — естественный процесс, связанный с тем, что человеческие сообщества живут, меняются, формируют собственные модели мира. И каждый язык превращает это движение в структуру своей речи.

Седьмой принцип утверждает, что дивергенция не разрушает родственное единство. Несмотря на различия, глубинные корни продолжают связывать языки между собой. Когда эти корни оказываются в зоне соприкосновения, становятся видны скрытые соответствия, которые веками оставались под слоем изменений. Дивергенция создаёт материал, но не отделённость; расстояние, но не разрыв; различие, но не отчуждение.

Именно эта многовековая история расхождения становится основой для будущего процесса. Когда языки вновь вступают в контакт, они привносят не одинаковые формы, а различные траектории развития одного и того же. Это различие и есть источник обогащения.

Следующая глава раскрывает механизм, который делает это обогащение возможным.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ФЕНОМЕН РАЗДРАЖЁННОГО КОРНЯ: МЕХАНИЗМ РАСПОЗНАВАНИЯ РОДСТВА

При соприкосновении двух родственных языков возникает особое когнитивное явление, которое можно назвать феноменом раздражённого корня. Оно проявляется в момент, когда в сознании сталкиваются два слова, созданные из одного и того же древнего корня, но развившиеся в разных направлениях. Эти слова сохраняют родственную структуру, но отличаются значением, интонацией, ассоциативным полем и культурным диапазоном.

Именно это несовпадение при структурном сходстве вызывает мгновенную реакцию мозга. Возникает ощущение, что слово знакомо, хотя значение иное. Сознание фиксирует напряжение между корнем, который узнаётся, и смыслом, который не совпадает. Это напряжение является центральным элементом феномена.

Первый аспект феномена заключается в пробуждении внутренней формы слова. В родном языке внутренняя форма со временем становится нечувствительной: многолетнее употребление стирает ассоциацию между корнем и его происхождением. Однако соприкосновение с родственными формами восстанавливает утраченную связь. Мозг реагирует так, будто перед ним появляется давно забытая структура.

Второй аспект — активация древнего нейронного шаблона. Родственные слова накладываются друг на друга в сознании, создавая эффект внезапного совпадения. В этот момент мозг активирует зоны, отвечающие за распознавание паттернов, и стремится восстановить первоначальную форму корня. Это вызывает ощущение когнитивного резонанса.

Третий аспект феномена связан с семантическим смещением. Различия в значениях создают для мозга неожиданную задачу: необходимо соотнести две смысловые траектории, происходящие от одного источника, но не совпадающие. Это сопоставление — источник того самого раздражения, которое не является негативным, а представляет собой импульс к поиску.

Четвёртый аспект — расширение смыслового горизонта. Когда мозг видит, как один и тот же корень прошёл две разные эволюции, он начинает воспринимать обе траектории как взаимодополняющие. Возникает ощущение, что корень раскрывается в объёме, создавая многообразие значений, которое ранее оставалось недоступным.

Пятый аспект — невозможность подобного эффекта при далеких заимствованиях. Слова, пришедшие из неродственных языков, не вызывают резонанса корня, не пробуждают внутреннюю форму и не создают когнитивного напряжения. Они воспринимаются как иностранные элементы, не связанные с глубинной памятью языка.

Шестой аспект феномена — его универсальность. Независимо от того, владеет ли человек двумя языками на высоком уровне или лишь поверхностно сталкивается с ними, мозг всё равно фиксирует родство структур. Раздражённый корень — не продукт образования, а свойство нейронной системы.

Седьмой аспект — создание предпосылки для взаимного обогащения. Раздражённый корень является механизмом, через который языки пробуждают глубинную память друг в друге. Это явление становится фундаментом всей дальнейшей теории: без феномена раздражённого корня процесс взаимного обогащения был бы невозможен.

Следующая глава раскрывает природу смысловой суперпозиции, возникающей при сопоставлении родственных слов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КВАЗИ-КВАНТОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ЯЗЫКА: СМЫСЛ КАК СУПЕРПОЗИЦИЯ

Смысл не существует как фиксированная величина. Он проявляется как поле вероятностей, внутри которого каждая единица языка удерживает множество возможных интерпретационных траекторий. Это поле становится особенно заметным при взаимодействии родственных языков, где разные эволюции одного корня накладываются друг на друга, создавая эффект смысловой суперпозиции.

Первый принцип этой суперпозиции заключается в том, что каждое слово содержит множество потенциальных значений, которые не проявляют себя одновременно. Внутри языка реализуется только одна траектория, а остальные остаются латентными возможностями. При соприкосновении с родственными формами часть скрытых возможностей активируется, создавая новое семантическое пространство.

Второй принцип связан с тем, что смысл проявляется только в момент наблюдения. Пока слово не интерпретировано, оно остаётся в состоянии неопределённости. Родственное слово из другого языка, сохраняя тот же корень, но развиваясь по иной линии, раскрывает вторую проекцию. Эти две проекции существуют одновременно, создавая многомерное состояние смысла.

Третий принцип отражает асимметрию языковой эволюции. Каждый язык выбирает одну траекторию развития значения, отбрасывая другие. Однако родственный язык выбирает иное направление, сохраняя то, что в другом было утрачено. Когда обе траектории встречаются в сознании билингва, смысловой континуум становится объёмным.

Четвёртый принцип объясняет, что суперпозиция возникает только там, где сохраняется структурное родство. Далёкое слово не вызывает наложения смысловых вероятностей, потому что его корень не принадлежит тем же историческим слоям. Только общность происхождения позволяет значениям вступить в взаимодействие.

Пятый принцип состоит в том, что суперпозиция создаёт дополнительную глубину интерпретации. Смысл перестаёт быть плоским и одномерным. Он приобретает внутреннюю многослойность, в которой каждая языковая форма становится частью общего поля. Это состояние невозможно в условиях одного языка.

Шестой принцип касается когнитивной природы восприятия. Мозг рассматривает родственные слова как части единого набора. В момент сопоставления активируются зоны, отвечающие за распознавание структурных совпадений. Происходит мгновенное расширение интерпретационного диапазона, подобное расширению спектра в физике.

Седьмой принцип формулирует ключевое следствие: квантовая неопределённость языка является условием взаимного обогащения. Суперпозиция смыслов создаёт потенциал, который не может быть реализован внутри одной языковой системы. Только взаимодействие параллельных эволюций корней позволяет смыслу выйти за пределы своей одномерности.

В следующей главе рассматривается явление смысловой стереоскопии — объёмности, возникающей в сознании при владении двумя близкими языками.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. СТЕРЕОСКОПИЯ СМЫСЛА: ОБЪЁМНОСТЬ СОЗНАНИЯ В БЛИЗКОРОДСТВЕННОМ БИЛИНГВИЗМЕ

Знакомство с двумя близкими языками создаёт особое состояние сознания, в котором смысл воспринимается не линейно, а в объёме. Это состояние можно назвать стереоскопией смысла. Оно возникает из-за наложения двух параллельных траекторий развития одного и того же корня, существующих в двух языковых системах.

Первый принцип стереоскопии заключается в различии ракурсов. Каждый язык рассматривает корень как бы с собственной стороны. Один сохраняет древние оттенки, другой переносит корень в современную сферу, третий привносит эмоциональную окраску, четвёртый обобщает. Когда эти ракурсы встречаются, смысл перестаёт быть одноплановым.

Второй принцип отражает структурную синхронию. Родственные языки имеют общую грамматическую логику, сходные фонетические модели и близкую семантическую архитектуру. Благодаря этому наложение смыслов происходит без внутреннего сопротивления. Сознание воспринимает два языка не как конкурирующие системы, а как два слоя одной структуры.

Третий принцип состоит в том, что билингвизм расширяет когнитивный диапазон. Человек,

владеющий двумя близкими языками, получает доступ не только к различным значениям, но и к различным способам структурирования реальности. Два способа видения мира становятся взаимодополняющими, а не взаимоисключающими.

Четвёртый принцип связан с поэтическим восприятием. Для поэта стереоскопия открывает новые формы образности. Слово получает не один смысловой луч, а несколько. Оно начинает звучать как интервал, а не как нота. Поэзия, создаваемая в этом состоянии, приобретает глубину, недоступную одноязычному сознанию.

Пятый принцип касается интонационной вариативности. Родственные языки различаются не только значениями, но и ритмом, мелодикой, способами расстановки логических акцентов. Соприкосновение двух интонационных моделей создаёт новую гибкость восприятия речи. Мышление становится более пластичным.

Шестой принцип описывает эффект внутреннего диалога. Столкновение родственных форм создаёт в сознании условия, при которых корень словно начинает разговаривать сам с собой. Две версии одного и того же слова вступают в резонанс, выявляя оттенки, которые были скрыты внутри каждой системы по отдельности.

Седьмой принцип формулирует итог: стереоскопия смысла представляет собой новую форму сознания,

возникающую только при владении
близкородственными языками. Она создаёт
объёмность интерпретации, расширяет пределы
мышления и делает возможным тот тип смысловой
работы, который лежит в основе взаимного
обогащения.

Следующая глава описывает направленный синтез —
культурную технологию пробуждения корней без
насилия над языком.

ГЛАВА ПЯТАЯ. НАПРАВЛЕННЫЙ СИНТЕЗ

Процесс взаимного обогащения родственных языков требует особого подхода, отличающегося от хаотического смешения и насильственных попыток унификации. Этот подход можно назвать направленным синтезом. Он основан на мягком введении родственных языковых форм в естественный речевой оборот с целью пробуждения глубинных структур корня.

Первый принцип направленного синтеза заключается в том, что язык принимает только то, что соответствует его внутренней форме. Любое навязывание — прямое, нормативное или идеологическое — вызывает сопротивление. Направленный синтез не стремится заменить существующую лексику, а вводит такие формы, которые вызывают резонанс корня и ощущаются как естественные.

Второй принцип касается эстетического подхода. Родственное слово вводится не как технический элемент, а как знак, имя, название, брендовое обозначение или художественный образ. Язык охотнее принимает то, что вызывает эмоциональный отклик и вызывает интерес, а не то, что подаётся как обязательная норма.

Третий принцип направленного синтеза — отличие от суржика. Суржик и другие гибридные образования возникают стихийно, нарушают грамматическую

структуру и размывают логику языка. Направленный синтез, напротив, сохраняет системность. Он не смешивает, а сопоставляет; не разрушает, а раскрывает.

Четвёртый принцип состоит в том, что направленный синтез усиливает язык, а не подменяет его. Родственные слова, введённые через культурные маркеры, становятся точками доступа к альтернативным эволюциям корня. Они не заменяют родную лексику, а углубляют её, создавая дополнительные смыслы и образы.

Пятый принцип отражает долгосрочность процесса. Введение родственных слов не работает мгновенно. Оно действует как семантическое семя: постепенно слово становится привычным, его внутренняя форма раскрывается, и через него активируются забытые связи. Этот процесс может занять годы, но он создаёт прочные изменения.

Шестой принцип связан с культурным авторитетом. Слова, введённые через литературу, искусство, музыку, философские тексты или именованя объектов, обладают повышенной устойчивостью. Культурная среда становится носителем синтеза. Язык следует за эстетикой, а не за директивой.

Седьмой принцип формулирует итог: направленный синтез является технологией ненасильственного развития языка. Он не уничтожает границ между языками, но делает эти границы прозрачными. Он не

стирает различий, но превращает различия в источник силы. Через направленный синтез язык обретает способность пробуждать глубинные структуры, которые оставались скрытыми в течение веков.

Следующая глава посвящена объяснению того, почему далекие заимствования не способны вызвать аналогичный эффект.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ДАЛЬНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ПРЕДЕЛ

Языковая система охотно принимает слова из других культур, но степень глубины их усвоения зависит от степени родства. Далёкие заимствования, приходящие из неродственных языков, выполняют утилитарную функцию, но не пробуждают структурную память и не создают смыслового объёма. Этот феномен имеет несколько причин, связанных с природой корня, эволюцией языка и нейронной структурой восприятия.

Первый аспект заключается в отсутствии общего происхождения. Родственные языки делят один исторический пласт, в котором корни существовали до их разделения. Неродственное слово лишено этой общей истории. Оно не несёт в себе знакомой внутренней формы, не активирует древний шаблон и воспринимается как внешнее дополнение, а не продолжение.

Второй аспект связан с отсутствием эффекта раздражённого корня. В неродственном слове нет знакомых структур, раздражающих латентную память языка. Оно не вызывает когнитивного резонанса, не пробуждает внутренней формы, не создаёт необходимость сопоставлять две траектории смысла. Поэтому такое слово остаётся поверхностным элементом.

Третий аспект касается функциональной роли. Далёкие заимствования часто вводятся как обозначения технологий, предметов или понятий, появившихся в результате глобализации. Они выполняют чисто инструментальную функцию. Их структура не встроена в архетипическую систему языка, что ограничивает их роль уровнем обозначения.

Четвёртый аспект отражает слабое взаимодействие с корнями языка. Родственные слова вступают в резонанс с существующими корневыми системами, расширяя их значение. Далёкие заимствования не взаимодействуют с корневым аппаратом языка. Они образуют отдельный слой, который остаётся параллельным и не встраивается в глубинную архитектуру.

Пятый аспект связан с отсутствием смыслового объёма. Слова, пришедшие из неродственных языков, не создают суперпозиции значений. Они не отражают, как корень мог бы развиваться в другой культурной среде. Они остаются плоскими и однозначными, даже если их использование становится массовым.

Шестой аспект касается эстетики восприятия. Родственные слова вызывают удовольствие узнаваемости, а неродственные — чувство новизны или нейтральности. Эстетика родственных форм основана на глубинном совпадении структур, тогда как эстетика далеких заимствований строится на

функциональности. Язык сохраняет их, но не переживает.

Седьмой аспект формулирует итог: неродственные заимствования могут обогащать словарь, но не обогащают внутреннюю форму языка. Они не способны создавать смысловой объём, не раскрывают корень, не порождают стереоскопию. Их роль остаётся внешней. В отличие от родственных слов, они не возвращают языку его собственное прошлое и не создают точки роста.

Восьмой аспект касается механизма замещения. Далёкие заимствования нередко вытесняют существующие местные слова, особенно если эти слова утратили частотность, не поддерживаются культурным употреблением или имеют ограниченную сферу применения. В результате происходит размывание языковой структуры: внутренняя форма местного слова исчезает из сознания, а его место занимает иноязычный элемент, не связанный с корнями языка.

Этот процесс приводит к повреждению внутренней архитектуры речи. Лексическая система прекращает опираться на собственные корневые слои и начинает выстраивать смысловые связи вокруг заимствованного элемента. Там, где раньше существовал органический ряд слов, появляется инородное тело, нарушающее семантическую последовательность. Язык сохраняет способность обозначать явления, но теряет глубину выражения.

Замещение особенно заметно в сферах, связанных с современными технологиями, социальными ролями и коммерческими понятиями. При отсутствии местного слова заимствование может быть неизбежным, но когда местная форма существует, пусть даже редкая, вытеснение её иностранным термином приводит к ослаблению корневой системы. Язык продолжает функционировать, но делает это на более поверхностном уровне.

Так возникает эффект структурного разрыва: слово обозначает новое явление, но не связано с исторической памятью языка. В отличие от направленного синтеза, где родственное слово усиливает язык, неродственное замещение разрушает внутреннюю согласованность. Глубинные связи исчезают, а на их месте возникает фрагментарная, несистемная лексика.

Этот процесс не приводит к прямому разрушению языка, но уменьшает его выразительную мощь. Потеря внутренней формы приводит к снижению способности языка производить новые значения на основе собственных ресурсов. В результате язык становится зависимым от внешних импульсов и утрачивает часть своей творческой энергии.

Замещение — это не обогащение, а эрозия. Оно устраняет связь с корнем, разрушает историческую преемственность и превращает слово в механическое обозначение, лишённое культурной плотности. Именно поэтому далекие заимствования, ставшие

массовыми, создают не смысловой объём, а семантическую пустоту.

Следующая глава посвящена нейролингвистической природе восприятия языка и объясняет, почему человеческий мозг сопротивляется слиянию, но принимает резонанс.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЕСТЕСТВЕННОСТЬ: СОПРОТИВЛЕНИЕ СЛИЯНИЮ И ПРИНЯТИЕ РЕЗОНАНСА

Нейронные механизмы восприятия языка формируют специфическое отношение к структуре речи. Мозг не воспринимает язык как абстрактную систему, он реагирует на него как на упорядоченный поток сигналов, который должен сохранять регулярность, предсказуемость и внутреннюю гармонию. В этой структуре смешение, слияние и хаотическое объединение языков воспринимаются как нарушение нормальности, тогда как сопоставление, резонанс и стыковка родственных форм воспринимаются как естественный процесс.

Первый принцип нейролингвистической естественности заключается в неприятии хаоса. Слияние языков, при котором разрушаются грамматические модели, смешиваются фонетические ряды и исчезает структурная целостность, воспринимается мозгом как нарушение привычного порядка. Возникает когнитивное сопротивление: система стремится восстановить синтаксис, мелодику и ритм, характерные для родного языка.

Второй принцип связан с предпочтением структурного резонанса. Родственные языки сохраняют общие корни, сходные грамматические связи и совместимые фонетические формы. Сопоставление таких элементов вызывает у мозга ощущение гармоничного соответствия. Это

объясняет, почему родственные слова воспринимаются легче, чем неродственные: они не разрушают механизм предсказания.

Третий принцип отражает эстетическую природу восприятия. Мозг стремится к ритмическому и семантическому равновесию. Слияние языков разрушает равновесие, а сопоставление расширяет его. Резонанс не нарушает внутреннюю форму языка, а усиливает её. Благодаря этому корень звучит объёмнее, а система остаётся устойчивой.

Четвёртый принцип описывает реакцию на гибридизацию. Суржик и подобные гибриды являются продуктом хаотического смешения, и мозг фиксирует их как нарушение нормальной структуры. Это происходит потому, что гибридные конструкции не принадлежат ни одному языку полностью и не поддерживают ни одну грамматическую модель. Восприятие таких элементов вызывает ощущение сбоя.

Пятый принцип касается эффекта узнавания. Родственные слова активируют древние нейронные программы, которыми мозг пользуется для распознавания последовательностей. Фонетические и морфологические совпадения воспринимаются не как вторжение, а как подтверждение внутренней логики. Это создаёт чувство естественности и облегчает интеграцию.

Шестой принцип объясняет, почему directed synthesis — наиболее приемлемая форма языкового взаимодействия. Направленный синтез не навязывает новую структуру, не нарушает границы языка, не разрушает его ритм. Он мягко включает родственные элементы, создавая расширение без разрушения. Мозг принимает такую форму взаимодействия как естественное продолжение эволюции языка.

Седьмой принцип формулирует итог: нейронная система сопротивляется слиянию и смешению, но принимает резонанс и сопоставление. Язык сохраняет структуру, когда взаимодействует с родственными формами, и теряет её, когда подвергается хаотическому смешению. Механизм нейролингвистической естественности объясняет, почему взаимное обогащение возможно, а унификация — нет.

Следующая глава рассматривает политическую анатомию языка и показывает, почему именно языковые различия нередко становились причиной войн.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ ЯЗЫКА: КОНФЛИКТ КАК СЛЕДСТВИЕ ИЛЛЮЗИИ РАЗДЕЛЁННОСТИ

Язык на протяжении всей истории оставался одним из самых мощных маркеров коллективной идентичности. Он служил границей, определял принадлежность и отделял одну общность от другой сильнее, чем религия, территория или происхождение. Именно поэтому различия между близкими языками нередко становились причинами конфликтов. В основе этих конфликтов лежит иллюзия разделённости, возникающая в результате многовекового ветвления.

Первый принцип политической анатомии языка заключается в том, что язык воспринимается как абсолютная граница. Для носителя язык становится структурой сознания, которую невозможно отделить от личной и национальной идентичности. Поэтому попытки заменить язык, навязать другой или разрушить существующую языковую систему воспринимаются как прямое посягательство на само существование общности.

Второй принцип отражает феномен взаимной непрозрачности. Родственные языки расходились на протяжении веков, и носители постепенно утратили способность распознавать общие корни. Сходство перестало быть очевидным. Это создало иллюзию, что языки не связаны между собой, хотя глубинная структура оставалась общей. Отсутствие

распознавания родства превращало естественные различия в политическую угрозу.

Третий принцип касается страха растворения. Каждая языковая общность воспринимает своё слово как носителя собственной памяти. Потеря языка интерпретируется как исчезновение культуры. Поэтому любое воздействие со стороны другого языка вызывает защитную реакцию. В этом страхе лежит причина многих этнических конфликтов и длительных исторических напряжений.

Четвёртый принцип связан с ошибочной идеей несовместимости. Столетиями существовало представление, что два языка не могут сосуществовать в одной культурной среде без взаимного уничтожения. Это убеждение рождало национальные программы «очистки» языка, попытки изгнания «чужих» слов и навязывания идеологически мотивированных реформ. Реальность показывала противоположное: язык развивается через контакты, а не через изоляцию.

Пятый принцип отражает политическую эксплуатацию языкового различия. Власть и идеология нередко использовали язык как инструмент разделения: близкие народы объявлялись чужими, различия — непреодолимыми, а любой контакт — угрозой. Язык становился полем символического противостояния, которое нередко перерастало в вооружённые конфликты.

Шестой принцип касается возможности разрешения конфликтов. Когда сопоставление родственных слов раскрывает общие корни, исчезает иллюзия абсолютной разделённости. Понимание того, что другой язык представляет собой альтернативную эволюцию того же корня, снимает фундамент страха. Различие перестаёт восприниматься как угроза, а становится фактором глубины.

Седьмой принцип формулирует итог: политические конфликты вокруг языка возникают из-за неспособности видеть родство. Когда внутренняя форма слова скрыта, различие кажется непреодолимым. Восстановление родственных связей, раскрытое через *directed synthesis* и семантический резонанс, разрушает основу конфликтности. Языковая идентичность перестаёт быть основанием для войны и становится источником взаимного понимания.

Следующая глава описывает переход к новой эпохе, в которой дивергенция завершается, и роли языков меняются: они перестают расходиться и начинают обогащать друг друга.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. НОВАЯ ЭПОХА: ЗАВЕРШЕНИЕ ВЕТВЛЕНИЯ И НАЧАЛО ВЗАИМНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

История языков проходит через циклы. На начальном этапе единый язык дробится, расходится, создаёт ветви, которые постепенно становятся самостоятельными. Этот процесс дивергенции продолжается столетиями, формируя множество отдельных языков, каждый из которых развивает собственную морфологию, фонетику, лексику и культурную символику. Однако в современной эпохе условия коммуникации меняются столь радикально, что многовековое ветвление достигает естественного завершения. На смену ему приходит иной процесс — взаимное обогащение.

Первый принцип новой эпохи заключается в достижении предела расхождения. Дивергенция возможна только в условиях длительной изоляции, ограниченной мобильности и замкнутых культурных систем. Глобальные коммуникации размывают эти ограничения. Языки вновь оказываются в одном информационном пространстве, где различия не исчезают, но становятся видимыми и осознаваемыми.

Второй принцип связан с изменением роли корня. На этапе ветвления корень разделялся на параллельные линии развития. На этапе взаимного обогащения он раскрывается в объёме: две или более эволюций одного и того же корня становятся доступными одному сознанию. Это создаёт возможность

смысловой реконструкции, которая была невозможна в эпоху изолированного развития языков.

Третий принцип отражает усиление процесса сравнения. Современные билингвы и поли-билингвы сопоставляют родственные формы не как враждующие системы, а как параллельные миры, каждый из которых привносит уникальный опыт. Открывается пространство, в котором различие становится источником расширения, а не разрушения.

Четвёртый принцип касается культурного обмена. Литература, кино, музыка, цифровая коммуникация и массовые медиа создают условия, при которых языки взаимно освещают друг друга. Родственные слова начинают циркулировать в пограничных зонах речи, вызывая эффект пробуждённого корня. Это делает соприкосновение естественным и регулярным.

Пятый принцип — исчезновение страха. Когда обнаруживается глубинное родство языков, политический и культурный страх растворения исчезает. Язык не воспринимает родственные формы как угрозу. Он воспринимает их как возможность вернуть себе утраченное, восстановить внутреннюю форму и расширить семантический диапазон. Это создаёт спокойное отношение к проникновению форм, которое ранее воспринималось как опасность.

Шестой принцип описывает усиление *directed synthesis*. Современная эпоха предоставляет инструменты, позволяющие мягко и органично

вводить родственные слова: названия, бренды, художественные тексты, образовательные платформы, медийные проекты. Каждая такая точка становится семантическим мостом, который соединяет параллельные эволюции корня и позволяет языку восстановить свою многослойность.

Седьмой принцип формулирует итог: эпоха взаимного обогащения не уничтожает различия, а превращает их в ресурс. Языки сохраняют собственные системы, но становятся прозрачными друг для друга. Граница перестаёт быть непреодолимой, а становится зоной интенсивного смыслового обмена. В результате возникает новое культурное состояние, в котором каждый язык становится частью общей семантической вселенной.

Следующая заключительная часть подводит философский итог всей теории и формулирует главный вывод: язык, пройдя через тысячелетия расхождения, возвращается к человеку обогащённым множественностью смыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык проходит через циклы, в которых расходится, дробится, утрачивает прозрачность и вновь обретает способность к внутреннему единству. Эти циклы отражают движение человеческой культуры и сопровождают историю народов, разделённых пространством и временем. После длительного периода дивергенции наступает момент, когда языки вступают в новую фазу — фазу сближения и взаимодействия. Это сближение не устраняет различий, а делает их источником силы.

Первый итоговый принцип заключается в том, что язык способен возвращать самому себе глубину через соприкосновение с родственными формами. Древние корни, разошедшиеся на протяжении веков, вновь начинают резонировать, создавая объёмность значения. Когда слово слышится в двух версиях, каждая из которых представляет собственную линию развития, смысл раскрывается шире, чем способен раскрыться внутри одной системы.

Второй итог касается природы внутренней формы. Слово, утратившее связь с происхождением, возвращает себе внутреннюю архитектуру через соприкосновение с родственным аналогом. Это не восстановление исторического значения в прямом смысле, а оживление структуры, формирование нового смысла, который опирается на память корня. Язык не возвращается назад, он движется вперёд, опираясь на собственное прошлое.

Третий итог показывает, что смысловое обогащение не требует смешения или слияния языков. Напротив, сохранение границ обеспечивает устойчивость системы, а сопоставление создаёт многомерность. Язык остаётся цельным, но начинает звучать как аккорд, а не как одиночный тон. Это состояние усиливает выразительность и расширяет пространство мышления.

Четвёртый итог отражает нейролингвистическую закономерность. Мозг принимает резонанс и отвергает хаотическое смешение. Это объясняет, почему *directed synthesis* становится наиболее эффективной формой развития языка. Родственные слова, введённые в культурное пространство, не разрушают структуру речи, а пробуждают её, вызывая эффект стереоскопии смысла.

Пятый итог касается культурной и политической перспективы. Когда обнажается родство языков, исчезает иллюзия абсолютной разделённости. Языковой конфликт теряет основание, потому что различие перестаёт восприниматься как угроза. Напротив, оно становится источником дополнительной глубины. Языковая идентичность перестаёт определяться через противопоставление и начинает определяться через многослойность.

Шестой итог выражает сущность новой эпохи. Завершив ветвление, языки не стремятся к слиянию. Они становятся участниками единого смыслового поля, где каждая форма сохраняет собственную

уникальность и одновременно усиливает другие. Это создаёт состояние культурного взаимодействия, в котором язык становится инструментом расширения, а не барьером.

Седьмой итог формулирует общий вывод: язык возвращается к человеку не в виде наборов слов и правил, а в виде многоголосия одного корня. Взаимное обогащение становится естественной стадией его эволюции. Смысл обретает объём, структура приобретает глубину, а сознание получает возможность видеть мир в стереоскопии — не плоским, а многомерным.

Так язык, пройдя долгий путь расхождения, завершает круг и возвращается к источнику — не тем, чем был раньше, а тем, чем стал, пройдя через множество эволюционных ветвей. Возвращение это не есть конец, а начало нового этапа, в котором различие превращается в пространство развития, а корень начинает звучать как множество голосов, объединённых общей памятью.

Теория взаимного обогащения языков опирается на комплекс наблюдений, интуиций и междисциплинарных параллелей, которые демонстрируют внутреннюю связность, но неизбежно сталкиваются с рядом вопросов. Эти вопросы не ослабляют её, а очерчивают пределы, в рамках которых возможно дальнейшее развитие. Язык не является замкнутой системой, и потому любое

описание его динамики носит характер модели, а не окончательного объяснения.

Первым ограничением становится отсутствие прямых эмпирических подтверждений, относящихся к нейролингвистическим механизмам. Понятия «раздражённого корня», «стереоскопии смысла» и «объёмной семантики» описывают наблюдаемые субъективные эффекты, но пока не имеют строгой корреляции с инструментальными измерениями. Современная нейронаука способна фиксировать активацию зон, связанных с обработкой речи, но не разделяет их по происхождению корня или по степени его родства. Теория, таким образом, формулирует направление будущих исследований, но не претендует на уже достигнутую экспериментальную верификацию. Она описывает опыт, который ещё только предстоит уловить прибору.

Вторым ограничением является метафорическая природа квантовых аналогий. Квантовые модели используются здесь не как физический инструмент, а как способ описания многомерного состояния смысла. Их задача — передать структуру, а не воспроизвести формулы. Лингвистика оперирует иными методами: концептуальными схемами, теориями фреймов, моделями распределённой

активации. Сравнение с квантовой неопределённостью выполняет роль эпистемологической метафоры, позволяющей представить язык как систему, в которой множество потенциальных смыслов существует одновременно, но реализуется лишь один. Это не попытка перенести физику в гуманитарное знание, а способ подчеркнуть сложность семантических процессов.

Третьим ограничением становится представление о родственных и неродственных заимствованиях. Теория подчёркивает особое качество родственных форм, создающих резонанс и пробуждающих древние уровни внутренней формы. Однако это не отменяет того, что далёкие заимствования способны становиться продуктивными, обретать собственные словообразовательные гнёзда и превращаться в полноценные элементы языка. История европейских языков демонстрирует способность систем к интеграции любых источников. Родственные формы обладают преимуществом моментального узнавания, но не исключают потенциала тех слов, которые приходят из других культурных пластов. Теория описывает различие интенсивности отклика, а не иерархию ценности.

Четвёртым ограничением становится сложность реализации направленного синтеза. Язык

сопротивляется искусственному вмешательству, и любые попытки культурного программирования словоупотребления подчиняются непредсказуемой логике стихийного развития. Направленный синтез не является инструментом внедрения, а представляет собой наблюдение за теми процессами, которые могут происходить естественно, если созданы благоприятные условия. Он не предполагает контроля над языком, а лишь указывает на возможность мягкого влияния через названия, тексты, культурные артефакты. Теория не утверждает, что такие процессы могут быть управляемы; она утверждает, что они возможны.

В результате критические замечания очерчивают границы: теория не претендует на завершённость, не подменяет собой нейронауку и не стремится определить язык как объект строгого детерминизма. Она формулирует направление движения, определяет структуру наблюдаемого феномена и предлагает новый взгляд на взаимодействие родственных языков. Её задача — обозначить явление, которое долго оставалось незамеченным, и создать концептуальные рамки для его дальнейшего изучения.

Так формируется понимание того, что теория не завершает дискуссию, а открывает её. Язык остаётся

механизмом, способным к неожиданным формам роста, а теория — картой, показывающей лишь одно из возможных направлений его эволюции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aitchison, J. (2012). *Words in the mind: An introduction to the mental lexicon* (4th ed.). Wiley-Blackwell.
- Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Harvard University Press.
- Bakhtin, M. M. (1981). *The dialogic imagination*. University of Texas Press.
- Barlow, M., & Kemmer, S. (Eds.). (2000). *Usage-based models of language*. CSLI Publications.
- Bloom, P. (2002). *How children learn the meanings of words*. MIT Press.
- Bloomfield, L. (1933). *Language*. Holt, Rinehart and Winston.
- Boroditsky, L. (2011). How language shapes thought. *Scientific American*, 304(2), 62–65.
- Bybee, J. (2010). *Language, usage, and cognition*. Cambridge University Press.
- Chafe, W. (1994). *Discourse, consciousness, and time*. University of Chicago Press.
- Chomsky, N. (1965). *Aspects of the theory of syntax*. MIT Press.
- Chomsky, N. (1986). *Knowledge of language*. Praeger.
- Clark, A. (2013). *Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science*. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(3), 181–204.
- Clark, E. V. (2009). *First language acquisition*. Cambridge University Press.
- Croft, W. (2000). *Explaining language change: An evolutionary approach*. Longman.

Croft, W., & Cruse, D. A. (2004). *Cognitive linguistics*. Cambridge University Press.

Crystal, D. (2003). *English as a global language* (2nd ed.). Cambridge University Press.

Crystal, D. (2010). *The Cambridge encyclopedia of language* (3rd ed.). Cambridge University Press.

Deacon, T. (1997). *The symbolic species*. W. W. Norton.

Deutscher, G. (2010). *Through the language glass*. Metropolitan Books.

Eco, U. (1976). *A theory of semiotics*. Indiana University Press.

Evans, V., & Green, M. (2006). *Cognitive linguistics: An introduction*. Lawrence Erlbaum.

Fauconnier, G., & Turner, M. (2002). *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. Basic Books.

Fodor, J. A. (1975). *The language of thought*. Harvard University Press.

Givón, T. (2002). *Bio-linguistics: The Santa Barbara lectures*. John Benjamins.

Gleason, H. A. (1961). *An introduction to descriptive linguistics*. Holt, Rinehart and Winston.

Gumperz, J. J. (1982). *Discourse strategies*. Cambridge University Press.

Haiman, J. (1985). *Natural syntax*. Iconicity and erosion. Cambridge University Press.

Harris, R. (1981). *The language myth*. Duckworth.

Harris, Z. (1951). *Methods in structural linguistics*. University of Chicago Press.

- Heine, B., & Kuteva, T. (2005). *Language contact and grammatical change*. Cambridge University Press.
- Hockett, C. F. (1958). *A course in modern linguistics*. Macmillan.
- Humboldt, W. von. (1999). *On language* (M. Losonsky, Ed.). Cambridge University Press.
- Jackendoff, R. (1992). *Languages of the mind*. MIT Press.
- Jakobson, R. (1960). Closing statement: Linguistics and poetics. In T. Sebeok (Ed.), *Style in language* (pp. 350–377). MIT Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.
- Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things*. University of Chicago Press.
- Langacker, R. W. (1987). *Foundations of cognitive grammar: Vol. 1*. Stanford University Press.
- Lehmann, W. P. (1973). *Historical linguistics: An introduction*. Holt, Rinehart and Winston.
- Levinson, S. C. (2003). *Space in language and cognition*. Cambridge University Press.
- Luria, A. R. (1976). *Cognitive development: Its cultural and social foundations*. Harvard University Press.
- Lyons, J. (1977). *Semantics* (Vols. 1–2). Cambridge University Press.
- Pinker, S. (1994). *The language instinct*. HarperCollins.
- Pinker, S. (2007). *The stuff of thought*. Viking.

- Saussure, F. de. (1959). *Course in general linguistics*. Philosophical Library.
- Sapir, E. (1921). *Language: An introduction to the study of speech*. Harcourt, Brace.
- Talmy, L. (2000). *Toward a cognitive semantics* (Vols. 1–2). MIT Press.
- Thomason, S. G., & Kaufman, T. (1988). *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. University of California Press.
- Tomasello, M. (2003). *Constructing a language*. Harvard University Press.
- Trubetzkoy, N. (1969). *Principles of phonology*. University of California Press.
- Vygotsky, L. S. (1986). *Thought and language*. MIT Press.
- Weinreich, U. (1979). *Languages in contact*. Mouton.
- Whorf, B. L. (1956). *Language, thought, and reality*. MIT Press.
- Wittgenstein, L. (1953). *Philosophical investigations*. Blackwell.
- Zipf, G. K. (1949). *Human behavior and the principle of least effort*. Addison-Wesley.

Русская научная литература (APA)

- Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды. Том 1: Лексическая семантика*. Школа «Языки русской культуры».
- Апресян, Ю. Д. (2006). *Избранные труды. Том 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Языки славянской культуры.

- Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. Школа «Языки русской культуры».
- Бондарко, А. В. (1990). *Теория морфологических категорий*. Наука.
- Виноградов, В. В. (1972). *История слов*. Наука.
- Гаспаров, М. Л. (1996). *Язык, память, образ*. Новое литературное обозрение.
- Гумилев, Л. Н. (1989). *Этногенез и биосфера Земли*. ЛГУ.
- Жинкин, Н. И. (1958). *Механизмы речи*. АН СССР.
- Зализняк, А. А. (2004). *Грамматический словарь русского языка* (2-е изд.). Русские словари.
- Иванов, В. В., & Топоров, В. Н. (1976). *Исследования в области славянских древностей*. Наука.
- Караулов, Ю. Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Наука.
- Колшанский, Г. В. (1990). *Объективная картина мира в познании и языке*. Наука.
- Костомаров, В. Г. (1984). *Язык русской культуры*. Русский язык.
- Лотман, Ю. М. (1992). *Семиосфера*. Искусство.
- Мельников, Г. П. (1997). *Русский язык: Системная организация*. Наука.
- Падучева, Е. В. (2004). *Динамическая семантика*. Языки славянской культуры.
- Пешковский, А. М. (1928). *Русский синтаксис в научном освещении*. Госиздат.

Скворцов, Л. И. (1980). *Историческая грамматика русского языка*. Высшая школа.

Степанов, Ю. С. (1995). *Константы: Словарь русской культуры*. Школа «Языки русской культуры».

Толстой, Н. И. (1988). *Язык и народная культура*. Наука.

Успенский, Б. А. (1994). *Из истории русской культуры*. Школа «Языки русской культуры».

Фрумкина, Р. М. (2001). *Психолингвистика*. Академия.

Щерба, Л. В. (1974). *Языковая система и речевая деятельность*. Наука.

Украинская научная литература (АРА)

Бацевич, Ф. С. (2004). *Основи комунікативної лінгвістики*. Академія.

Вихованець, І. Р. (1993). *Граматика української мови. Синтаксис*. Наукова думка.

Горпинич, В. О. (2004). *Морфологія української мови*. Академія.

Жайворонок, В. В. (2006). *Знаки української етнокультури*. Довіра.

Загнітко, А. П. (2001). *Сучасна українська мова. Морфологія*. Донецький національний університет.

Караванський, С. (1992). *Практичний словник синонімів української мови*. Українська книга.

Коць, Т. М. (2010). *Когнітивна семантика української мови*. Науковий світ.

Кристевська, О. (2015). *Українська лінгвокультура в контексті європейських традицій*. ЛНУ.

Масенко, Л. Т. (2004). *Мова і суспільство*. Критика.

Москаленко, А. А. (1995). *Психолінгвістика*. Либідь.

Наконечний, Є. (2001). *Війна і міф: Роздуми про українську ідентичність*. Наша культура і наука.

Огієнко, І. (1995). *Історія української мови*. Наша культура.

Плющ, М. Я. (2005). *Семантичні процеси в українській мові*. Академія.

Русанівський, В. М. (2001). *Українська мова: Енциклопедія*. Українська енциклопедія.

Селіванова, О. О. (2012). *Когнітивна лінгвістика*. Академія.

Степаненко, М. І. (2010). *Українська мова і мовна політика*. Довіра.

Тараненко, О. (2008). *Українська мова у XX–XXI ст.: Статус, норми, тенденції*. Академія.

Ткаченко, О. Б. (2007). *Походження українців, мови і держави*. Атанор.

Фаріон, І. (2012). *Мовна норма: Запит і пропозиція*. ЛНУ.

Чапленко, В. (1955). *Українська літературна мова*. Дослідження і матеріали, Сарсель.

Юшук, І. П. (2012). *Практичний курс української мови*. Академвидав.